

Л. Ноль

**Бетховен. Его жизнь и
творения**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Л11

Л11 **Л. Ноль**
Бетховен. Его жизнь и творения: Том 1-2 / Л. Ноль – М.: Книга по Требованию, 2013. – 498 с.

ISBN 978-5-458-10929-1

Предлагаемый труд Л. Ноля относится к числу классических произведений биографических исследований о Бетховене. Это сочинение является наиболее популярным, одинаково интересным и для специалиста - знатока музыки, и для всякого образованного человека. В первую книгу вошли: 1-й том "Юность" и 2-й том "Зрелый возраст". Во вторую книгу вошел 3-й том - "Последние годы жизни". Перевод В. Кронеберг. Москва. Издание Карцева, 1892.

ISBN 978-5-458-10929-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОМ ПЕРВЫЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Родина

Къ небольшому числу людей, въ которыхъ особенности германскаго духа выразились во всей ихъ полнотѣ и силѣ, и которые, благодаря именно этому, сдѣлались историческими лицами, принадлежить, прежде всего Людвигъ-ванъ-Бетховенъ. Извѣстно, что развитіе человѣчества приняло со вступленіемъ германцевъ въ число историческихъ народовъ направленіе, совершенно отличное отъ того, которое было создано міросозерцаніемъ древнихъ, и что это направленіе сделалось осподствующимъ въ слѣдующемъ тысячелѣтіи. Если мы припомнимъ особенности, которыя такъ ярко выдѣляютъ германцевъ изъ среды остальныхъ народовъ, мы не удивимся тому, что именно это племя оказалось способнымъ воспринять духовное богатство, завѣщанное древнимъ міромъ, и работать надъ его дальнѣйшимъ развитіемъ. По самой природѣ своей германецъ склоненъ къ духовному міросозерцанію и вслѣдствіе этого онъ способенъ былъ съ самаго начала и совершенно естественно считать за благо то, что для древнихъ сдѣлалось таковымъ только послѣ долгой борьбы съ плотью, только послѣ убѣжденія, добытаго эмпирически, что земное не даетъ удовлетворенія. Въ немъ самомъ какъ прирожденная способность, таилось желаніе побѣды надъ чувственнымъ міромъ, побѣды, къ которой приведены были бы и древніе

послѣдовательнымъ ходомъ своего развитія. Онъ принялъ богатства, завѣщанныя древнимъ міромъ, какъ чистый капиталъ, безъ отягчающихъ его долговъ, и принялся съ неутомимой энергіей работать надъ великимъ духовнымъ зданіемъ, созидаемымъ народами на благо человѣчества.

Великое назначеніе германской націи — одухотворять земное и, возвышая человѣка надъ чувственнымъ, доводить его до чисто духовной жизни, подтверждается въ исторіи цѣлымъ рядомъ деятелей того же племени и остается во всей силѣ и до нашихъ дней. Эта миссія однако едва-ли выразилась въ какомъ нибудь историческомъ лицѣ величественнѣе, чѣмъ въ Бетховень. Природа надѣлила его способностями, въ которыхъ ярко и рѣзко обрисовались отличительныя качества его племени и придали ему тѣмъ самымъ индивидуальность, которая не могла не оказать серьезнаго вліянія на человечество.

Итакъ преобладающею чертою германскаго и особенно нѣмецкаго характера является, по нашему мнѣнію, стремленіе всего существа къ чему-то высшему, царящему надъ міромъ, съ сознаніемъ однако полной однородности этого высшаго съ собственной природой. Этой чертой характера обуславливается величавое и по самой своей сущности чистое міросозерцаніе германцевъ; но отъ нея-же, на ряду съ этимъ преимуществомъ нѣмцевъ, зависитъ и цѣлый рядъ ихъ недостатковъ, такъ напр. полнѣйшее пренебреженіе ко всему земному, какъ къ чему-то грязному, забавная неумѣлость найтись въ жизни, подчиниться неизбежному, понять действительность такую, какъ она есть; далѣе при всей внутренней высотѣ — проявленіе малодушія даже мелочности, вызывающее подчасъ смѣхъ, а еще чаще грустныя ощущенія. Все это является слѣдствіемъ столкновенія вышеназваннаго міросозерцанія съ действительностью, такъ сказать,

мestью матери земли за оказываемое ей пренебреженіе.

Бетховень чистый германецъ; съ одной стороны мы видимъ у него чисто идеалистическое міросозерцаніе, по которому вѣчный духъ какъ бы стыдится своей временной земной оболочки, чувствуя, однако при всякомъ столкновеніи съ жизнью, что отказаться отъ нея не можетъ; видимъ презрѣніе, съ которымъ подавляется всякое чувственное ощущеніе до тѣхъ поръ, пока оно не найдетъ исхода внезапнымъ взрывомъ, не сдѣлаетъ исключительно духовную жизнь смѣшной, даже жалкой, и доказавъ ея несостоятельность, не втопчетъ ее въ самую грязь; видимъ безпомощность въ житейскихъ дѣлахъ, благодаря которой насъ осмѣиваютъ другія націи, а подвижные итальянцы награждаютъ почетнымъ именемъ «*gazza inferiore*». Съ другой стороны у него же встрѣчаемъ подавляющую мощь духа, который стремится, отыскивая въ самомъ себѣ разоблаченіе величайшихъ тайнъ природы, прійти въ непосредственное общеніе съ началомъ всякаго бытія; видимъ подъемъ духа, присущій человѣку мысли, неотразимую прелесть искренности, теплоты правдивости, когда заговорить сердце; всѣ эти черты, которымъ германецъ обязанъ тѣмъ, что въ духовной жизни остается побѣдителемъ и образцомъ для остальныхъ народовъ, всѣ эти черты, говорю я, мы встрѣчаемъ какъ отличительныя свойства въ Бетховенѣ, какъ особенности его произведеній. Рядомъ съ глубиной мысли, благодаря которой германскій духъ уже за столѣтія создалъ себѣ болѣе чистыя религізныя возрѣнія и, облекая ихъ въ искусственные образы, придавъ имъ такія простыя формы, что для многихъ они остаются недоступными и до сихъ поръ, у Бетховена проявляется какъ естественное слѣдствіе этого болѣе чистаго міросозѣрцанія тотъ жизнерадостный юморъ, который составляетъ исключительное свойство нашего народа и наименѣе доступенъ пониманію другихъ націй.

Эти-то основныя черты германской природы и были тѣми источниками, изъ которыхъ духъ Бетховена заимствовалъ себѣ пищу и которыя придали его произведеніямъ то своеобразное, что выдѣляетъ ихъ изъ всѣхъ почти остальныхъ проявленій нѣмецкаго духа и дѣлаетъ ихъ — его истинными носителями. И, такъ какъ, кромѣ того, самый языкъ, въ которомъ отражалась душа Бетховена, способенъ изображать только сокровенную внутреннюю жизнь, изображать то, что вошло въ плоть и кровь человѣка, что онъ пережилъ сердцемъ, то и произведенія его, при ограниченномъ кругѣ представленій передаваемыхъ звуками, должны были отразить чище и отчетливѣе, чѣмъ произведенія какого-либо другого искусства, — чувство и душевное настроеніе германца.

На ряду съ этими прекрасными чертами германскаго духа, въ которыхъ художникъ почерпалъ мысли и силу для величайшихъ своихъ произведеній, мы найдемъ въ немъ и много недостатковъ, которые такъ-же неизбежны при достоинствахъ, какъ неизбежна тѣнь при свѣтѣ. Передъ нами предстанетъ въ концѣ концовъ, какъ это всегда бываетъ у выдающихся личностей образъ человѣка, окрашеннаго колоритомъ мѣста и времени, среди которыхъ онъ жилъ. Напряженное до крайности сознаніе собственнаго значенія, проистекающее изъ болѣе живаго представленія о безпредѣльной силѣ духа, та гордыня титановъ, о которой поютъ греки, сказывается часто въ Бетховенскомъ упрямствѣ относительно высшихъ, въ тиранніи къ низшимъ. Холерическій темпераментъ, пылкость, присущая племени «рожденному изъ пламени Геклы и холоднаго снѣга», даютъ себя знать въ необузданныхъ вспышкахъ. Послѣ такихъ взрывовъ Бетховень часто не знаетъ, какъ загладить причиненную несправедливость; доводитъ до крайности раскаяніе, прирожденную доброту. Замѣтны были въ немъ и нѣмецкій задоръ, смягченный, однако до желанія всегда

оставаться правымъ, что причиняло немало хлопотъ его друзьямъ, и извѣстная въ нѣмцахъ страсть къ приключеніямъ, загоняющая ихъ подчасъ на самый край свѣта. У Бетховена эта страсть приняла болѣе современную форму и выражалась въ желаніи частой перемѣны квартиры, въ томъ, что онъ не любилъ ходить по проложеннымъ дорогамъ, а предпочиталъ углубляться въ лѣсъ или итти открытымъ полемъ, въ ущербъ здоровью и платью. Изъ его неудержимаго стремленія къ свободѣ, къ безпрепятственному проявленію своей индивидуальности возникали тысячи мелочныхъ столкновеній съ окружающими. Присуще ему было также желаніе создать себѣ среди окружающей дѣйствительности мірокъ идеального существованія, къ которому его духъ непрестанно рвался. Этимъ объясняется склонность его къ мечтательности, романичности, и чрезвычайно неровное состояніе духа: то онъ погружался въ меланхолію, находя блаженство въ страданіи и слезахъ, то усиленно работалъ, то предавался необузданному веселью, возбуждаемому подчасъ и виномъ; и тутъ онъ являлся чистымъ потомкомъ тѣхъ древнихъ германцевъ, которые страстью своею къ вину вызывали такъ часто недовѣріе въ сосѣднихъ народахъ. Всѣ эти высокія качества германца, какъ и его недостатки встрѣчаются въ тысячѣ чертахъ въ жизни и дѣяніяхъ великаго человѣка; они не должны ни удивлять, ни смущать насъ; мы не будемъ стараться прикрывать или извинять ихъ; мы знаемъ, что индивидуальность человѣка складывается именно изъ разнообразной смѣси его силъ и стремленій; знаемъ, что человѣкъ дѣйствительно выдающійся сьумѣетъ сравнять и сгладить всѣ эти шероховатости и неровности широкимъ потокомъ своего созидающаго творчества.

Нигдѣ вышеназванныя особенности германскаго духа не выражены съ такой силой и рѣзкостью какъ на сѣверозападѣ Германіи — родинѣ Бетховена. Внешняя

грубоватость сѣверянъ вѣмъ извѣстна, она царствуетъ всюду, гдѣ господствуетъ ниже-германское нарѣчіе. Борьба съ болѣе суровой природой, чѣмъ на югѣ Германіи, вызвала этотъ рѣзкій контрастъ между внѣшнимъ видомъ и внутренней жизнью населенія. Здѣсь лежитъ глубокая пропасть между духомъ и плотью, и между тѣмъ какъ населеніе, отражая своимъ внѣшнимъ видомъ окружающія его суровыя природныя условія, кажется грубымъ и непривѣтливымъ, внутренняя жизнь его отличается глубокой, высокой нравственностью, свидѣтельствующей о высшемъ духовномъ развитіи человека. То, что называютъ духовной жизнью, особенно свойственно здѣшнему населенію, а только съ этой стороны они цѣнятъ другъ друга и иностранцевъ. Непринужденность обращенія и внѣшняя любезность ко всякому, напротивъ, не ихъ удѣль. Нѣмецъ юга любезенъ, нѣмецъ сѣвера любвеобиленъ. Въ общемъ здѣсь жизнь являетъ болѣе искренности, глубины; она содержательнѣе. Болѣе продолжительная зима заставляетъ сѣверянъ тѣснѣе сомкнуться: у нихъ болѣе развита домашняя, семейная, чѣмъ общественная жизнь. Всѣ говорятъ немного, сдержанны, неповоротливы и *tartaruga tedesca*, которое пришлось слышать даже вѣнцу Диттерсдорфъ отъ одного итальянца въ Болоньѣ, относится собственно только къ нѣмцамъ сѣверянамъ. Но при черепашьей медленности во всѣхъ движеніяхъ сѣверянинъ дѣлаетъ все лучше, крѣпче, что и требуется отъ него, такъ какъ только прочныя сооруженія могутъ защитить его отъ непогодъ его родины. Даже въ проявленіяхъ радости у него нѣтъ непринужденности и веселья, какія видимъ у южанина; стоитъ только сравнить свадебный пиръ у Иммерманна съ такимъ же торжествомъ въ горахъ Баваріи. Сознаніе превосходства германскаго духа, обусловившее его міровое значеніе, гораздо живѣе въ сѣверянинѣ, глубоко ушедшемъ въ самого себя и, подобно тому какъ и въ своемъ богослуженіи и онъ не

допускаеть вещественныхъ изображеній и опредѣленныхъ формъ для чисто духовныхъ понятій, вся жизнь его проникнута стремленіемъ къ высшему; это и придаеть ему характеръ серьезный, возвышенный, но въ то же время нѣсколько строгій, пуританскій.

Самыя картины природы въ большей части сѣверной Германіи носятъ тотъ же суровый отпечатокъ съ примѣсю меланхолическаго оттѣнка и Руисдаль, одинъ изъ немногихъ художниковъ, умѣвшихъ схватить характеръ ландшафта, работавшій по преимуществу въ Вестфаліи, передаетъ во многихъ своихъ картинахъ, какъ все суровое однообразіе этой страны, такъ и скрытую въ ней природную силу, производящую порой на обширныхъ полянахъ только могучіе дубы. Не одинъ разсказъ начинается со словъ: «Далеко въ глуши Вестфаліи...» и въ повѣсти, начатой такимъ образомъ, вы можете навѣрное рассчитывать на встрѣчу съ лицами, одаренными серьезнымъ направленіемъ мысли, глубиною и искренностью чувства вообще высшими добродѣтелями нѣмца, не такъ часто встрѣчающимися въ другихъ мѣстностяхъ. Этотъ грустно-серьезный характеръ населенія и страны способенъ доходить порой до истиннаго трагизма. Не лишнее будетъ вспомнить здѣсь о томъ, что нація, величайшій сынъ которой написалъ короля Лира, обязана своими лучшими задатками, своимъ внутреннимъ складомъ и силой тому, что происходитъ изъ этихъ же сѣверныхъ странъ! — Отъ внимательнаго взора не ускользнетъ и то, что въ сказкахъ, которыя теперь собираются и предлагаются намъ во множествѣ, наиболѣе богатая по содержанію тѣ, которыя написаны на нижнегерманскомъ нарѣчій. Въ нихъ съ такою силою обнаруживается трагизмъ, глубокое сознаніе неизмѣримой пропасти, отдѣляющей земное отъ небеснаго, преходящее отъ вѣчнаго, высказывается такое неодолимое желаніе видѣть водвореніе на землѣ царства правды, которое одно могло бы уничтожить эту пропасть, что именно здѣсь мы

нагляднѣ всего убѣждаемся въ томъ стремленіи къ духовному міру, который такъ возвышаетъ германцевъ надъ другими народами.

Изъ этого основного трагическаго настроенія, такъ рѣзко выступающаго въ сѣверянинѣ, развивается совершенно естественно и такъ-же опредѣленно, другой элементъ — юмористическій. Такъ «Reinecke Voss» достигъ своего полного совершенства только въ нижнегерманской странѣ, гдѣ среди здоровенныхъ молодцовъ встрѣчаются комики, подобные Шекспировскимъ типамъ. Все существованіе проникнуто тамъ юморомъ, и такъ какъ эта склонность къ шуткамъ въ большинствѣ случаевъ непонятна иностранцамъ, они и не могутъ уловить въ этой, повидимому, тривиальной и направленной только на матеріальные интересы жизни, ту искру поэзіи, которая въ ней таится. Эта-то именно юмористическая черта, сквозившая въ тысячѣ мелочахъ у Бетховена, съ виду грубаго и лишеннаго всякой поэзіи, дѣлала его часто непонятнымъ жителямъ Вѣны.

Всемирная торговля, постоянное соприкосновеніе и смѣшеніе съ чужестранными элементами, которымъ съ незапамятныхъ временъ подвергалось населеніе Рейна, придавало основному характеру германца, на который мы только что указывали, еще новый элементъ, тотъ самый, который англо-саксы въ Англіи заимствовали отъ Романовъ; элементъ, который помогъ имъ достигъ болѣе высокой культуры, чѣмъ другія германскія племена и проявить раньше ихъ значительную умственную дѣятельность. Способность эта состоитъ въ томъ, чтобы придавать жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ опредѣленные, ясно установившіяся формы, а самому содержанію сообщать нѣкоторый поэтическій отпечатокъ.

Уже Цезарь сообщаетъ, что онъ въ жителяхъ начала нижняго Рейна нашель народъ нравственный,

рѣчистый, состоятельный, промышленный и торговый. Уже тогда у нихъ были города и они вели торговлю съ болѣе цивилизованными Галлами, общеніе съ которыми дѣлало ихъ образованнѣе и обходительнѣе другихъ германскихъ племенъ. Въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ они издавна уже переняли у народа «любящаго перемѣны» и кое-что изъ его подвижности и лоска. И, такъ какъ это общеніе постоянно поддерживалось, жители Рейна уже въ средніе вѣка отличались большею живостью, болѣе утонченнымъ обращеніемъ, обходительностью, вообще склонностью украшать жизнь, помимо обезпеченія матеріальнаго благосостоянія, еще и умственнымъ развитіемъ и особенно изученіемъ искусствъ. Они развились быстрѣе и многостороннѣе, чѣмъ прочія племена сѣвера; между тѣмъ какъ сосѣдняя Вестфалія и до нашихъ дней сохранила прежніе грубоватые германскіе нравы со всѣми ихъ добродѣтелями и недостатками; не выдѣлилась за все это время ни общимъ подъемомъ образованія, ни отдѣльными какими-нибудь проявленіями духа, и во всей своей исторіи не можетъ указать хотя бы на одно лицо, способствовавшее умственному развитію родины, прирейнскія области доставляли втеченіе столѣтій и теперь доставляютъ во всѣхъ областяхъ науки и искусствъ двигателей и даже всемірныхъ геніевъ. И если и говорятъ въ Вестфаліи, желая указать на хитраго, тертаго человѣка, подчасъ даже ненадежнаго, что «онъ съ Рейна» вестфальцы не могутъ не сознаться, что всякимъ шагомъ впередъ въ своемъ развитіи они съ незапамятныхъ временъ и до нашихъ дней обязаны тому-же «Rhine». Развитію любви къ искусству способствовала больше всего жизнь, открытая чужому вліянію и особенно сношенія съ романскимъ племенемъ.

Французы и итальянцы надѣлены отъ природы большимъ пониманіемъ внѣшней красоты, чѣмъ нѣмцы; все, что они говорятъ и дѣлаютъ, выливается у нихъ въ

необыкновенно опредѣленные, прекрасныя, даже типичныя формы. Англія несомнѣнно можетъ приписать появленіе среди ея народа за двѣсти лѣтъ до нашего времени всемірнаго поэтическаго генія, подобнаго которому нѣтъ и теперь, именно этому счастливому взаимодействію романскаго чувства красоты и германской глубины мысли; несомненно, также и то, что большее оживленіе среди прирейнскаго населенія дало народу возможность изощрить свой умъ и чувство. Многочисленныя празднества и удовольствія, которыми Рейнъ изстари славился, и которыя справлялись на открытомъ воздухѣ, благодаря мягкому климату, всегда давали пищу слуху и зрѣнію; для творчества же въ искусствѣ, которое есть не что иное какъ воспроизведеніе жизни въ соотвѣтствующихъ искусству формахъ, прежде всего требуется постоянное и всестороннее упражненіе всѣхъ нашихъ чувствъ. Болѣе привлекательная природа, отличающая мѣстности по Рейну отъ другихъ областей, мягкія и въ то же время разнообразныя очертанія близъ-лежащихъ горъ должны были пробуждать въ жителяхъ чувство и пониманіе красоты и мы дѣйствительно находимъ въ этихъ странахъ великолѣпныя постройки древняго и новаго времени. Жизнь сѣверной Германіи въ общемъ осталась содержательнѣе, серьезнѣе, глубже, но богаче и разностороннѣе жизнь на Рейнѣ. Если въ Вестфаліи преобладаютъ умъ и сердце, на Рейнѣ первенствующую роль играетъ воображеніе. Умственный капиталъ обращается быстрѣе, удваивается, такъ какъ отъ постоянного оборота среди другихъ, цѣна его ежеминутно возрастаетъ. Житель Рейна разговорчивъ, горячъ и остроуменъ и это вѣчное расходованіе капитала его не только не дѣлаетъ его бѣднѣе, напротивъ во сто разъ богаче. Пусть вестфалецъ упрекаетъ прирейнца въ томъ, что онъ смотритъ на жизнь поверхностно, увлекаясь наиболѣе ея земными благами; пусть онъ упрекаетъ его, если не въ хвастливости, то въ